

Как по маслу, усмехнулся про себя Гарри, просматривая свою колонку. Пятница - его день, его окно возможностей.

Из соседней комнаты Гарри услышал, как Дадли зашелся в очередном приступе кашля, от которого у Гарри закрипели зубы. Дадли уже целый день лежал в постели с гриппом, что было неестественно для этого времени года. Но хотя Гарри не давал спать его храп по ночам, он не возражал, это было очень полезно для его плана.

За те пять минут, что оставались до прихода следующего охранника, Гарри прислонился к окну и с помощью кия для снукера, который он нашел на верху шкафа, распахнул окно Дадли до упора.

Ухмыляясь про себя и чувствуя себя немного злым, он заполз обратно в спальню: не мешало бы продержать Дадли больным следующие несколько дней. Открытое окно в ночной прохладе позаботится об этом.

На следующее утро Гарри проснулся, в его голове постоянно крутился план.

Казалось, за ночь он продумал предстоящий день до мельчайших деталей. Он спустился вниз и взял кусок тоста, внутренне улыбаясь, когда тётя стонала дяде о том, что Дадли за ночь заболел гриппом, особенно когда дядю обвинили в том, что он оставил окна в своей комнате открытыми. В кои-то веки они даже не заподозрили Гарри - они совершенно точно знали, что Гарри никогда не был в своей комнате.

Дядя Вернон быстро ушёл на работу, важно покачивая чемоданом и теребя галстук, а тётя Петуния заставила его убрать со стола, пока она относил Дадли его завтрак - поднос с полным английским завтраком, на котором плавало столько жира, что Гарри удивился, как ему не понадобилась ложка, чтобы съесть его.

Гарри как раз мыл посуду, когда увидел Тонкс, проходящую мимо забора в глубине сада и переодетую в женщину средних лет. Она весело помахала ему рукой, и через несколько мгновений он сделал ей полусерьезный кивок головой, улыбка сползла с ее лица, и она бросила на него обеспокоенный взгляд.

«Я не хочу, чтобы ты сегодня путался у меня под ногами, слышишь?» - раздался пронзительный голос тети несколько мгновений спустя прямо возле его уха, заставив его подпрыгнуть, - „Я мою ковры шампунем и не хочу, чтобы ты везде разгребал грязь“.

«Хорошо», - вздохнул Гарри, вытирая руки о чайное полотенце.

На мгновение его тетя удивилась, что он не спорит с ней, как это было в прошлом году, но вскоре это выражение исчезло, когда она заметила, что он все еще смотрит на улицу. Тонкс быстро исчезла, но Гарри был уверен, что тетя знает, кого он ищет, - она должна была понимать, что дом находится под постоянным наблюдением. Она обратила на него свой кислый

взгляд, плотно сжав губы. Он молча отвернулся и поднялся наверх, быстро переходя к действиям. Он слышал, как тетя перешла в гостиную и включила пылесос, а Гарри, не обращая внимания на шум, бежал по дому, собирая вещи.

Как раз в тот момент, когда он нырял в глубины шкафа, он услышал стук в окно. Он выпрямился и выглянул наружу, с подозрением увидев там незнакомую сову. Он снял письмо с лапки птицы и дал ей попить из тарелки Букля, после чего внимательно изучил письмо - оно было от Гермионы.

Дорогой Гарри,

Я не знала, как написать это письмо, поэтому просто скажу, что у меня на душе.

Я очень волнуюсь за тебя, мы все волнуемся. Тот день на Косой Переулок был большим потрясением, я знаю, и я понимаю, почему ты так поступил. Но ты не должна была так уходить, мы бы не стали думать о тебе хуже и помогли бы тебе пережить это. Именно поэтому мы здесь, ты знаешь, друзья должны поддерживать друг друга, в хорошие и плохие времена.

Пожалуйста, поговори со мной, хорошо? Смерть Сириуса была тяжелой для тебя, я знаю, она была тяжелой для всех нас. Но мы пройдем через это, вместе. Мы всегда будем поддерживать тебя, несмотря ни на что. Пожалуйста, напиши мне и скажи, что с тобой все в порядке,

Люблю Гермиону

Гарри уронил письмо на колени, чувствуя, что разрывается между двумя противоречивыми эмоциями. Ему было стыдно, что он готов отказаться от Рона и Гермионы, чтобы спасти себя, что он собирается бросить их на произвол судьбы, в то время как сам собирается выбраться. Теперь у них не было возможности сбежать.

Он также почувствовал гнев; гнев на её слова о том, что им всем было тяжело, как будто смерть Сириуса затронула их хотя бы на четверть, как и его. Они не знали, не понимали, каково это. Им лишь однажды пришлось участвовать в дуэли, спасая свою жизнь, и все они вышли из нее невредимыми, они даже не были там - не видели, как Сириус падает назад. Не то чтобы у них отняли родителей, не то чтобы им пришлось терпеть шестнадцать лет правления Дурслей, не то чтобы они потеряли самого близкого человека, который когда-либо был для них отцом.

Они даже не могли видеть Трестралов!

Так как же они говорят, что понимают, как они смеют расстраиваться! Они же еще ничего не видели!

Гарри вдруг осознал, что сжимает письмо Гермионы в дрожащем кулаке, и попытался ослабить

давление, разжав зубы и расслабив плечи. Когда ему показалось, что он взял свои эмоции под контроль, он бросил письмо на стол и повернулся, чтобы осмотреть комнату.

Подойдя к окну, он поправил сетку занавески так, чтобы она закрывала вид на комнату, затем положил под одеяло подушки и пару старых школьных халатов, стараясь придать им вид спящего комочка, после чего погасил лампу. Затем он натянул пару неизменных джинсов Дадли и несколько футболок, после чего натянул еще три джемпера. Ему стало нестерпимо жарко, когда он подобрал халаты и запихнул их под джемпер.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/117011/4645204>